

Литература

1. Рикер П. Путь признания. Три очерка / пер. с фр. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной. – М.: РОССПЭН, 2010. – 268 с.
2. Boltansky L. *Amour et la Justice comme competences*. – Paris, Metaille, 1990.
3. Янкелевич В. Ирония. Прощение: пер. с фр. / послеслов. В.В. Большакова. – М.: Республика, 2004. – С. 145–298.
4. Дириу Ж.-Р. *Aux origines des sciences cognitives*. – Paris, La Decouverte, 1994.
5. Деррида Ж. Философия и литература // Ж. Деррида в Москве: деконструкция путешествия / сост., предисл., пер. и коммент. М. Рыклина; ред. Е.В. Петровская, А.Т. Иванов. – М.: Культура, 1993. – С. 172.

УДК 333.52

Р.А. Шакир

**СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ НА ПРИМЕРЕ ФЕНОМЕНА
КУЛЬТУРНОГО ШОКА: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

R.A. Shakir

**THE CLASH OF CIVILIZATIONS AS AN EXAMPLE OF
THE PHENOMENON OF CULTURE SHOCK:
A TYPOLOGICAL ANALYSIS**

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме столкновений культурных систем как негативной разновидности культурного взаимодействия. Результатом подобных столкновений становится феномен культурного шока. В рамках проблематики исследования изучается значение культурного шока в контексте философской концепции мультикультурализма. Цель статьи – дать определение культурного шока, выявить типологию столкновения культурных систем в процессах взаимодействия друг с другом. В ходе исследования было выявлено, что культурный шок является комплексом физических и эмоциональных реакций как отдельного индивида, так и целой общности людей, который выражается в образовании психического надлома в структуре сознания, возникающего вследствие столкновения различных культур. Проанализировано, что основными признаками культурного шока являются стрессовое состояние, чувство потери, неприятие инородной культуры, частичная десоциали-

зация, чувство неполноценности. Данная статья берет за основу теории К. Оберга, Б.К. Малиновского, Э. Тоффлера, отчасти – П. Слотердайка. Показано, что феномен культурного шока часто встречался в экспансии западноевропейской цивилизации и имел огромное влияние на множество событий, связанных с историей столкновений цивилизаций.

Ключевые слова: культурный шок, футурошок, культурная интеграция, культурная система, мультикультурализм.

The article is devoted to the problem of s cultural systems collision, actual today as a negative kind of cultural interaction. The phenomenon of cultural shock becomes a result of similar collisions. Within a perspective of research value of cultural shock in the context of the philosophical concept of multiculturalism is studied. The article's purpose is to give the definition of cultural shock, to reveal typology of collision of cultural systems in interaction processes with each other. During research it was revealed that cultural shock is a complex of physical and emotional reactions of both the certain individual, and the whole community of people which is expressed in the formation of a mental break in the consciousness structure arising owing to collision of various cultures. It is analyzed that the main signs of cultural shock are stressful state, feeling of loss, rejection of alien culture, partial desocialization, feeling of inferiority. This article takes as a basis K. Oberg, B. K. Malinovsky, E. Toffler's theories, partly P. Slotterdayk. It is shown that the phenomenon of cultural shock often met in expansion of the West European civilization and had huge influence on a set of the events connected with the history of collisions of civilizations.

Keywords: culture shock, future shock, cultural integration, cultural system, multiculturalism.

XXI век – это век регулярных столкновений различных культурных систем и форм мировоззрений, которые за множество предыдущих столетий проросли глубочайшими корнями в основания столь же различных народов. Результаты подобных столкновений нередко имели позитивную форму, обозначенную в первой половине XX века такими исследователями в области культурологии и антропологии, как Б. Малиновский, У.Г. Самнер и Р. Бенедикт, выступающую в качестве культурной интеграции [2, 3]. Тем не менее, столкновения такого характера также могут нанести и непоправимый ущерб, итог которого – феномен культурного шока. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно лишь бросить взгляд на страницы человеческой истории, а также попытаться

проанализировать свежие сводки новостных лент, пестрящих броскими заголовками о том, что происходит с нами в мире.

Развитие всего человечества, неизбежно накапливающего все большее количество ошибок и противоречий, было построено именно на этих столкновениях, истоки которых лежат в кардинальных отличиях одних культурных систем от других. Сам факт столкновений такого характера, если его итогом не станет культурная интеграция, а культурный шок, способен породить не только новую волну мировоззренческих отличий, но также деформировать и обесценить все положительное, вытекающее из культурных столкновений, включая моральный аспект социального взаимодействия. В связи с этим феномен культурного шока правильно будет обозначить как явление дезориентации индивида при прямом столкновении с чуждой ему культурной средой. В контексте культурной интеграции культурный шок, с одной стороны, является проблемой, характерной для столкновений культурных систем, а с другой – предпосылкой провала политики современного мультикультурализма. Следствием краха такого рода будет увеличение жизнеспособности националистических умонастроений, обострение социальных конфликтов, всплеск насилия, падение уровня жизни в тех государствах, в которых проводится данная политика. Таким образом, данное небольшое исследование актуально как в контексте философского осмысления концепции мультикультурализма, основанной на диалоге различных культурных, религиозных, этнических сообществ и провозглашающей в качестве главенствующего принципа мирное взаимодействие, предполагающее признание одним субъектом безусловной ценности другого, так и в контексте междисциплинарного изучения концепта современных форм цинизма. Для того чтобы правильно осознать то, чем является культурный шок, мы должны проследить его роль в истории, вывести определение, а также обозначить опасность данного феномена в перспективе для всего человечества, подкрепляя это анализом типологии столкновений культурных систем.

В рамках данной проблематики необходимо ответить на ряд вопросов: что происходит в результате столкновения различных культурных систем? Чем, все-таки, является культурный шок в пределах этих столкновений и каковы его последствия? Что будет происходить с каждым отдельно взятым человеком, выступающим в качестве носителя иной культурной системы, а также, каким образом коснутся последствия культурного шока целой общности людей? В попытке получить ответы на установленные вопросы, сначала обратимся к идеям американского антрополога Калерво Оберга, который в 1954 году ввел определение феномена культурного шока.

Оберг понимал под «культурным шоком» достаточно ярко выраженную эмоциональную реакцию индивида, выпадающего из привыч-

ной культурной среды и оказывающегося в совершенно новых для него, чуждых реалиях, которая непременно сопровождается спектром специфических ощущений. Как правило, к данным ощущениям относят психофизический дискомфорт и дезориентацию, возникающие у индивида, например, при смене места жительства или работы, когда частично или полностью происходит разъединение индивида с привычной средой. Но К. Оберг рассматривал данный феномен, апеллируя только к индивидуальным проявлениям спектра ощущений и реакций, практически не затрагивая макро- и микросоциальный уровень жизни обществ. Вместе с усложнением социальной структуры как поля протекания вышеуказанных ответных реакций происходит и пропорциональное усложнение условий и особенностей их проявления.

Таким образом, проявление культурного шока на макро- и микросоциальных уровнях по своему характеру будет ближе к понятию «футурошока», введенного небезызвестным социологом и футурологом Э. Тоффлером, детально рассмотренного им в одноименном произведении, изданном в 1970 году [1].

Футурошок – это шок надвигающегося будущего, а точнее, тех перемен, которые оно несет в себе; это психологическая реакция человека или целого общества на стремительные и радикальные изменения в его окружении, вызванные ускорением темпов технологического и социального прогресса [1]. Культурный шок в этом контексте будет выступать в качестве одного из факторов зарождения и развития психологического надлома, возникающего как раз в результате столкновения одной, менее развитой культурной системы с другой, более развитой. Психологический надлом проявляется в той ситуации, когда менее развитая культурная система еще находится на начальном этапе собственного развития и все еще носит достаточно замкнутый и отчужденный характер. Это вовсе не означает тотальной социальной замкнутости, подразумевающей полное закрытие границ, и ликвидацию всех нежелательных субъектов, не соответствующих культурно-традиционалистским критериям, по которым данных субъектов можно было бы опознавать как «своих». Вместо этого возможна активная торговля и культурный обмен, но с определенными ограничениями. Успешным взаимодействие будет в том случае, если в контакт вступают максимально схожие по своему уровню развития и ключевым особенностям культурные системы. Ситуация футурошока наиболее наглядно прослеживается на примере антропологических и этнологических исследований разнообразных архаических племен и их контактов с европейцами.

Одним из самых ярчайших примеров культурного шока может послужить период колонизации европейскими мореплавателями новых земель, либо вовсе не заселенных, либо заселенных племенами аборигенов, обладающих только зачаточной формой государственности и тех-

нологичности. Конечно, встречались и исключения, порой даже очень внушительные. Государства ольмеков, майя, ацтеков, инков и прочих народов, населявших Новый Свет, можно, и даже необходимо считать исключением. Дело в том, что данные народности обладали обширной и многоукладной культурой, включающей в себя достаточно сложное государственное устройство, богатство и глубину духовной стороны их жизни, высокий технологический уровень в определенных сферах деятельности, в таких как, например, архитектура, медицина, математика и т. д. Это были совершенно различные по своим основаниям и особенностям развития культурные системы: не примитивные или не развитые, а просто – иные.

Культурные столкновения по своему характеру воздействия на каждую из сторон взаимодействия не могут считаться однозначными и определенными. Вариативность сценариев данных столкновений может быть достаточно разнообразна, но мы попытаемся вывести из них несколько основных типов.

Первый тип таких столкновений можно обозначить как *пассивно-агрессивный*, который наиболее ярко прослеживается на страницах истории колонизации Северной Америки, когда первые европейские переселенцы сначала со всей осторожностью высаживались на новых берегах и приступали к аккуратному изучению Нового Света, вместе с его жителями, с которыми не предполагали столкновений. Пассивная агрессивность проявлялась в том, что в изначальных условиях малочисленности переселенцев и доминирования коренного населения мореплаватели вынуждены были искать у них помощи, хотя и считали варварами за чуждость культурных традиций и верований.

На первых порах никакого психологического надлома не возникало, так как носители обеих культурных систем находились в состоянии «осторожного удивления», под влиянием которого проводились робкие попытки наладить контакт. В ходе этих попыток стал возможен обмен товарами, знаниями и услугами, что в перспективе подрывало «осторожное удивление». Посредством искусственного снижения стоимости оказываемых коренным населением услуг постепенно условия обмена для них становились катастрофичными.

Второй тип культурных столкновений не многим будет отличаться от первого, характеризуясь лишь *активностью агрессивных действий*. Начиная с эпохи Великих географических открытий конца XV–XVII вв., европейские народы оказывали решающее влияние на формирование государственности остальных народов мира в силу мощной колониальной экспансии Старого Света. Значительно превосходя по военной силе туземцев, испанцы, португальцы, голландцы, англичане порой безжалостно уничтожали самобытные предгосударственные организации и едва зародившуюся государственность в Африке, Америке и Азии.

В рамках такого типа культурных столкновений интересы этнического населения открытых территорий не учитывались и подвергались тотальному уничтожению, если возникали социальные волнения. В результате подобных действий на корню уничтожалась культурная самобытность этих народов, что перерастало в кризис самоидентичности. Все молодое подрастающее население не просто теряло связь со своими корнями, а лишалось самой возможности прикоснуться к традициям, что неизбежно вело к деформации и постепенной деградации всей культурной системы путем уничтожения носителей этих культур и предотвращения появления их приемников.

Третий тип культурных столкновений представляет собой особое явление, характерное в основном для XX и XXI вв., благодаря своей *гуманитарной направленности*, что, конечно же, не означает, будто в наше время нет места агрессивным столкновениям одних культурных систем с другими.

Для последующих десятилетий после окончания Второй мировой войны характерны культурные столкновения третьего типа. Они были уже связаны не с политикой отдельного государства, а с целыми международными организациями, такими как ООН, НАТО, которые осуществляли свои политические программы на фоне антиколониальных настроений, усиливающихся в мире того времени, движений за гражданские права чернокожих и отмену политики сегрегации, антивоенных протестов. Времена, когда одно государство без ощутимых последствий для себя могло объявить войну другому, не привлекая внимание других стран, бесследно кануло в лету, но сами механизмы ведения войн и экспансий остались, хоть и видоизменились.

Современная политика международных организаций отдельных государств по вопросам оказания гуманитарной помощи странам, пострадавшим от стихийных катаклизмов или военных столкновений, достаточно противоречива. Ведь она строится на принципах, взаимоисключающих друг друга. С одной стороны, многие гуманитарные программы разрабатывались под влиянием синдрома чувства вины, который сам по себе является негативным явлением и продуктом абсолютизации формализма, с другой – данные гуманитарные инициативы все же несут положительный характер, особенно в сфере оказания помощи пострадавшим от стихийных бедствий.

Сущностной характеристикой синдрома чувства вины, наложившего неизгладимый отпечаток на многие из аспектов политики западных государств, является абсолютизация формализма, превращающего многие социальные или благотворительные программы в «мертвые» образования, многие из которых зачастую ни на что существенно не влияют, ограничиваясь лишь полумерами. Это касается и социальной политики США в вопросах эмигрантов, темнокожего населения, а также выходцев

с Ближнего Востока, Северной Африки, перебравшихся в поисках лучшей жизни в Европу.

Только за последние несколько десятков лет прямыми или косвенными усилиями стран «первого мира» были приведены к состоянию социального хаоса, внутренних междоусобиц, разрухи не менее десятка государств, которые хотя и существовали со своими внутренними проблемами и противоречиями, но все же в некоторой стабильности. Но по тем или иным причинам, затрагивающим личные или государственные интересы сильных мира сего, были приняты решения о вмешательстве, иногда при полном соблюдении международного права, иногда идущие в разрез с установленными правилами международной игры. После таких действий и актов «миротворческой» агрессии неизбежно следует гуманитарная помощь, призванная помочь беженцам справиться с тяготами послевоенного периода восстановления.

В ходе подобных событий, как итог, запускаются механизмы огромных миграционных волн, которые составляют пережившие огонь войны беженцы, сталкивающиеся с той проблемой, что на родной, но практически полностью разрушенной земле, они не могут больше оставаться и направляются либо в соседние государства, либо дальше, в более развитые страны. В результате проявления культурного шока, вызванные столкновением культурных систем третьего типа, они увеличивают охват и глубину последствий катастроф гуманитарного характера.

Переселение беженцев в более развитые страны, в свою очередь, порождает цепочку новых проблем и обнажает противоречия социально-гуманитарной политики европейских государств, возвращенной на идеях ренессансного гуманизма и демократических свобод, провозглашенных после Великой французской буржуазной революции.

На новом месте пережившим войну людям, которые являются носителями отличной от западноевропейской культурной системы, изначально стремились привить европейские идеалы и ценности, но оказались не в состоянии это сделать. Находясь в условиях оторванности от родных мест, традиций, многие из беженцев просто будут не способны перенять европейский образ жизни и мысли, так как эти образы им чужды, ведь они основаны на других культурных аспектах. Данную ситуацию попытался проанализировать американский антрополог Франц Бок во введении к сборнику статей по культурной антропологии («Culture Shock»), где дает следующее определение «культуры»: «Культура в самом широком смысле слова – это то, из-за чего ты становишься чужаком, когда покидаешь свой дом. Культура включает в себя все убеждения и все ожидания, которые высказывают и демонстрируют люди... Когда ты в своей группе, среди людей, с которыми разделяешь общую культуру, тебе не приходится обдумывать и проектировать свои слова и поступки, ибо все вы – и ты, и они – видите мир в принципе одинаково, знаете, чего ожидать друг от друга. Но пребывая в чужом обществе, ты

будешь испытывать трудности, ощущение беспомощности и дезориентированности, что можно назвать культурным шоком» [5, с. 17–18].

По мнению Бока, квинтэссенция культурного шока кроется в конфликте старых и новых культурных норм и ориентаций. Носителями старых культурных оснований в этом случае будут выступать беженцы, оторванные от своей культурной системы, а носителями новых – та культурная система, на территорию которой они прибыли. Таким образом, культурный шок – это конфликт двух различных культурных систем на уровне индивидуального сознания [5]. При отсутствии мирного разрешения этого конфликта произойдет обострение социальной напряженности, которое до определенного показателя экстремума социального накала будет сниматься геттоизацией – процесса образования гетто, населенного беженцами, образующими крепкие диаспоры. Такие диаспоры, подобно механизмам психологической защиты, будут формировать защитный слой, ограждающий беженцев от нежелательных соприкосновений с чужой культурой. Тогда диаспора попытается создать собственную культурную среду в структуре чужой культурной системы, которая будет носить отчужденный и автономный характер [5].

Феномен культурного шока в данной ситуации возымеет обратный эффект. Состояние психологического надлома во всей своей полноте испытывают уже носители спокойно развивающейся культурной системы. Психологический надлом будет погружать рядового европейца в апатичное состояние, уменьшая стимул к развитию, медленно подкашивая. Такой алгоритм последствий культурного шока выглядит более чем естественно, потому что, жертвуя своим привычным укладом жизни в угоду политики культурной интеграции и толерантности, а также впуская в свой дом носителей восточной культурной системы, европейцы оказываются в ситуации постепенного размывания основ европейских идеалов и ценностей.

Феномен культурного шока не обойдет стороной и беженцев, как носителей восточной культурной системы, основанной в целом на идеях ислама. Восточная культурная система характеризуется в первую очередь высокой степенью традиционности, патриархальности, одухотворенности и всего того, что обеспечивает ее более устойчивый и монолитный характер. Так, даже несмотря на вынужденную оторванность от родной земли, как того звена, которое образует связь со своей культурой и традициями, определяющих их самость, беженцы не потеряют себя полностью в культурном аспекте. Угнетенные, озлобленные, лишенные источника культурной подпитки, но объединенные верой, они будут представлять серьезную опасность. Посредством деформации их религиозные и мировоззренческие взгляды превратятся в нестабильные образования, после чего поддадутся процессам деградации и изменениям в догматизированную и радикально настроенную сторону.

Но не только выше перечисленным ограничиваются культурные столкновения третьего типа. Очень часто можно наблюдать, особенно на

примере основной части Африки (не считая мусульманского севера) или ЮАР, что гуманитарная помощь, направленная для оказания поддержки населения стран, пострадавших от природных катаклизмов, локальных военных столкновений, ничего существенного не меняет.

Гуманитарная помощь могла бы оказать стимулирующее воздействие на экономику таких стран, увеличивая благосостояние граждан и постепенно открывая дверь к укреплению самостоятельности государства, но этого не происходит. Зато негативный эффект, обусловленный влиянием феномена культурного шока, проявляется на редкость ярко. Жители обеспечиваемых стран за годы и десятилетия получения гуманитарной помощи быстро привыкают к ней, что в сознании не только порождает психологический надлом, о котором уже велась речь, но и усугубляет его. Сознание таких людей находится в парадоксальной и противоречивой ситуации, когда их культурная система, находясь на определенном этапе своего развития, неожиданно получает готовый продукт посредством гуманитарной помощи, в результате привыкания к чему происходит остановка в развитии этой системы и ее дальнейшее размывание, итог которого – разрушение.

О подобном в фантастическом ключе размышлял писатель Генри Лайон Олди в «Urbi et orbi, или Городу и миру» [3], где повествуется история мира Ойкумены, целой вселенной, населенной разнообразными разумными формами жизни, но объединенными под эгидой человеческой технократической империи. Как писал Оливейра, выдающиеся умы его планеты, корпевшие над своими изобретениями и научными идеями по созданию паровых машин, летательных и подводных аппаратов, были лишены своего потенциала одним простым фактом – между обеими цивилизациями была невероятная пропасть в развитии. Такую пропасть им было не преодолеть. В итоге, многие из жителей испытали совокупное сложнейшее психологическое явление, являющееся переплетением культурного шока и футурошока. Они потеряли свой вектор развития, их самость постепенно увядала. Именно в таком состоянии сознания и духа пребывают многие из жителей стран Перечня наименее развитых стран, составленного в 1971 году под эгидой ООН. Ведь между их развитием и развитием западноевропейской культурной системы стоит аналогичная пропасть, хотя и меньшего масштаба.

Хотелось бы уточнить еще один аспект проблемы феномена культурного шока, рассматривающего его как фактор развития современных форм цинизма. Цинизма такого рода, о котором говорил немецкий мыслитель, Петер Слотердаjk в своей книге «Критика цинического разума». Под современным цинизмом немецкий философ понимал ту травмоопасную, психологическую ситуацию надлома-ловушки, в которой может оказаться сознание каждого человека, когда теряется ощущение значимости и смысла в наших жизнях, а вместе с тем и цель, когда обесценивается все, что раньше имело хоть какое-то значение [4]. Таким образом, посредством культурного шока образуется питательная среда, в

которой и возвращаются современные формы цинизма. Культурный шок в совокупности с цинизмом порождает ощущение тотальной отчужденности и безысходности, превращая людей в «живую мертвечину», не способную мечтать, надеяться, перестающую верить во что-либо.

В заключение следует сказать, что философский анализ представленных в исследовании трех типов столкновений культурных систем дает возможность сформулировать некоторые аспекты концептуализации феномена культурного шока, отличного от того, которое дает, к примеру, Оберг. Культурный шок – это не только индивидуальное состояние растерянности, опасности и тревоги, вызванное неизвестностью той среды, в которую попадает субъект, но нечто большее. На наш взгляд, Ф. Боас, считавший «культурным шоком» конфликтную ситуацию, образующуюся в ходе столкновения старых культурных норм и ориентаций с новыми и проявляющуюся на уровне как минимум двух индивидов, дает более широкое определение данного понятия. Но и в таком определении не идет речь о тех процессах, которые имели место в современной истории, а именно: последствия колониализма, чередование локальных военных конфликтов и актов оказания гуманитарной поддержки пострадавшим. Ведь психологический надлом как результат подобных столкновений оказывает негативное влияние не только на отдельных индивидов, но и на целые общности людей, полностью меняя их культурные доминанты. Психологический надлом также не может проявляться для всех участников этих столкновений одинаково. Совокупность характеристик, составляющих психологический надлом, определяется типом столкновений культурных систем. Если мы рассматриваем пассивно-агрессивный тип столкновений, то характер психологического надлома можно описать как скрытый, постепенно проявляющийся в долгосрочной перспективе. В этом случае культурные системы будут подвергнуты дегенеративным изменениям не сразу, но в своей пиковой точке дойдут до состояния полного распада всей системы или сознательной замены культурных доминант ее носителями. Активно-агрессивный тип столкновений культурных систем будет отличаться своей динамичностью и большей скоротечностью периодов распространения, а также локальностью, что в плоскости психологического надлома отразится, с одной стороны, в более резких трансформациях культурных систем, уменьшающих их возможность адаптации, с другой – более поверхностное проникновение изменений в структуру культурных систем. Культурные системы в ходе второго типа культурных столкновений либо будут сразу уничтожены, либо переживут их, ограничиваясь получением лишь внешнего урона и минимальным уровнем внутренних изменений. Если рассматривать гуманитарный тип культурных столкновений, то психологический надлом, соответствующий данному типу, будет обладать более сложной природой своих последствий.

В наше время культурные столкновения далеко не всегда сопровождаются актами агрессии, боевыми действиями. В данной ситуации за ос-

нову инструментария берутся другие методы, основанные на информационно-психологическом и экономическом давлении. По своей сути, третий тип культурных столкновений является собой закономерный результат эволюции и частичного объединения первых двух описываемых типов с преобладанием особенностей пассивно-агрессивного типа столкновений. А психологический надлом, соответствующий данному типу и подкрепленный культурным шоком, обладает большим охватом культурных систем, распространяющийся даже на те, которые не являются явными участниками культурных столкновений. В таком случае воздействия психологического надлома увеличиваются не только в своем территориальном объеме, но и в характере внедрения в структуру культурных систем. Стоит заметить, что представленный анализ культурных столкновений в условиях современного мира, когда последствия накопления ошибок и противоречий, а также неверно принятых социально-политических решений, выливаются в социальные потрясения подобного рода, позволяет понять их природу, а значит, культурным системам придется либо адаптироваться к новым условиям с наименьшими последствиями для себя, либо осуществить попытку их предотвращения или преодоления.

Литературы

1. *Торфлер Э.* Шок будущего = Future Shock. – М.: АСТ, 2008. – 560 с.
2. *Малиновский Б.* Научная теория культуры = Scientific Theory of Culture / пер. *И.В. Утехин.* – 2-е изд. испр. – М.: ОГИ, 2005. – 184 с.
3. *Олди Г.Л.* Urbi et Orbi, или Городу и Миру. – М.: Эксмо, 2012. – 704 с.
4. *Слотердаик П.* Критика цинического разума / пер. с нем. *А.В. Перцева.* – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 584 с.
5. *Ионин Л.Г.* Социология культуры. – М.: Логос, 1998. – С.17–18.

